

II. К работе о Вяч. Иванове

1. На сто ладов, сто ладов... Выберем тютчевский. «Сог ardens». Ч. 2. С. 175: «Роза ночей». Сначала усиленное повторение тютчевской темы, усиленное всем, что сто лет научили нас об имени, о своем земном имени. Всеобщая покинутость, мировая ночь. Но вдруг чуть слышный «шепот»: мировая роза. Здесь роза — гарантия того, что есть объемлющие миры.

2. Атлантида в истории — Ч. 2. С. 123: «Атлантида»*

3. Солнце и восход солнца.

4. Wer hat dem Kreuze Rosen zugestellt? ¹⁵

5. На небесах Слово уже на престоле. На земле это вечная надежда — Ч. 2. С. 174: «Взыскующие града».

6. Античность — ревность Кифериных роц о розе — Ч. 2. С. 87: «Ad rosam».

7. Роза соединяет живых и мертвых — Ч. 2. С. 153: «Розалии».

8. Роза существенно является *после* смерти жены. Но уже услада брачной любви понята — Ч. 2. С. 53: «Покорствуя благим определеньям» — как услада роз, а — Ч. 2. С. 57: «И вновь Конь Бледный зрим, и Всадник Бледный...» — грандиозное видение жены, убирающей гриву... розами. Итак, нет сомнения: в личном сознании В. Иванова она насадила розу мира.

декабрь 1925 г.

III. Русская история 1905–1917 гг. в поэзии Блока

1. Осуждение поэзии В. Иванова, на другой лад, можно выразить так: он был поэтом группы, и притом иллюзионной, жившей убеждением, что европеизм (безоговорочный) России есть неоспоримый факт, что Россия имеет историческое право на западноевропейские и мировые поэтические формы. Это был типичный случай «группы

---

* Angelus 3, 9, 27, 55, 185, 186, 188, 189, 229, 244; 20, 108, 110, 128, 168, 190, 192, 196, 200, 244 (примеч. Л. В. Пумпянского к пунктам 2–4).

с ложным мировоззрением». Не здесь место анализировать ее состав, происхождение и происхождение ее ложного мировоззрения: коротко, она была связана с общеевропейским громадным подъемом нового научного знания в *Geisteswissenschaften*¹⁶, и эти русские люди были скромными периферическими представителями обновления наук в Европе. Обновление это было такого типа, что оно создало многочисленную группу (таковы современные науки, они поднимают армии), сравнительно многочисленную и в России. Предпосылка ее исторического существования была: русские на общих правах соучаствуют общеевропейскому пересозданию наук; поэтому как на Западе во главе общества эти пересоздатели, так и в России. Таким образом, это была новая форма западничества (правда, ввиду синкретизма эпохи, очень часто с официальной славянофильской идеологией, но позиция по смыслу дела была западнической). «Русский вопрос» в нем решался в общих славянофильских выражениях, отдавалась «дань», в смысл дела не вникалось, и сознания, что особое место русского народа неизбежно ведет и к реальностям, к *реально* особому пути, — не было. Вот почему реальности войны и революции были неожиданны особенно для этой группы. Исторический «наклон плоскости» привел к неверному положению этих (самых ценных по качеству рабочей силы) русских людей и в истории русской литературы и символизма: обвинение А. Белого очень глубоко, В. Иванов был действительно популяризатором, потому что он был систематизатором, распределителем существующих богатств¹⁷; как бы ни были глубоки и не популярны идеи, в отдельности каждая, но общая позиция неизбежно популярна, если она не есть непрерывное рвение вперед, к еще неизведанному. Вот почему и случилось, что В. Иванов задержал развитие русского символизма.

Вообще есть поэты двух типов: одни не слагают непроточных вод, или: непроточное в них немногочисленно, невелико; все воды рвутся вперед, каждый шаг обновляет. Другие — меньшее и слабейшее отдают течению и, побочно, слагают *систему*. Непроточная система, конечно, тоже верна *какой-то* социальности, но всегда групповой, не общенациональной. Такие непроточные воды могут быть глубоки, в прекрасном парке, в них могут отразиться могущественные руины, дворцы — все равно это уединенная система, и воспитать она может только уединенную группу с частичной реальностью. Состояние непроточности не мешает быть гениальным; так был, например, со всей грандиозной поэзией В. Гюго, после создания Парнаса, т. е. уже с конца 50-х гг.: литература ринулась мимо. Это не осуждение; в богатых поэтических культурах нужны и системы; чем больше, тем, быть может, даже живее свободная жизнь незастаивающихся вод. Все же надо сказать, что сердце таких поэтов не до конца принадлежит по-

эзии самой, а в последнем счете — синкретизму. Поэтому уроком они не могут быть. Вечный урок — Пушкин, каждое новое произведение которого есть географическое открытие новой страны.

2. Как поразительно сдержан был, всю жизнь, Блок! Как поразительно верно избежал всех ошибок общества! Ни Мережковский, ни Брюсов, ни В. Иванов — три темы (и системы), сдержанно и деликатно им отстраненные. Общая ошибка всех трех была — строить на осужденной плоскости, т. е. быть правым и глубоким в частном, при неправости в коренном. Между тем для Блока не существовало самой плоскости; вся эпоха императора Николая II была для него — ничто; и царя нет и общества нет, ничего нет, есть громадный народ, зашедший в пустой переулочек, заборы, а выход теряется в огородах, поля, в-ничто. Для тех — это было не так, они нравственно осуждали царствование, но — как? невольно имитируя позицию Вл. Соловьева («пророк исправляет» — вообще, эта позиция Вл. Соловьева сыграла пагубнейшую роль, сан пророка не давал — не дает? — спать. Конечно, одно дело пустая претензия Мережковского, скажем, в эпоху киевского процесса, другое — глубокие и прочувствованные стихи В. Иванова «и Христос твой — сором»¹⁸ и пр., но и у В. Иванова неверна предпосылка: будто есть царство, грешное, исправимое и пр., это все анахронизм. Блок же не совершил *ни одного* анахронизма). Ошибавшиеся отстали на два царствования и на три-четыре десятилетия; нравственное обличение имеет смысл в мире исторической надежды, потому что обличаются — грехи, а грех как понятие имеет смысл только в царстве надежды; исторический грех зовет к *исторической* борьбе: это все мир надежды. Между тем исторические надежды нации кончились неудачей революции 1905–1906 гг.

Вот исходная дата для понимания исторической поэзии Блока. <...>

Вот почему десятилетие от поражения русской реформы до начала устарения всех вообще реформ есть историческое небытие, ужасное, случайное время, где можно жить только имитируя что-то. Есть имитация монархии — парламента — партий — науки, даже пророчества и даже того, что пророк осуждает, т. е. греха. Но на деле есть только ущерб, «лихая колея смертей и болезней»¹⁹. Единственный верный выход: из своего недостатка сделать добродетель, т. е. объявить революцию всемирного значения. Но понимал это один Блок, В. Иванов хотел имитировать сокровища. <...>

7 апреля 1925 г.

